

ЛЮБОВЬ {LEO} ПАРШИНА

Сильфиды, виллисы и прочая нежить

[ИСТОРИЯ ЧЁРНОГО СЕРЕБРА]

Любовь Паршина

**Сильфиды, виллисы
и прочая нежить. [История
чёрного серебра]**

«Издательские решения»

Паршина Л. {.

Сильфиды, виллисы и прочая нежить. [История чёрного серебра] / Л. {. Паршина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853996-1

В Париже XIX века счастливо жила со своим маркизом балерина, мечтавшая о славе... А потом умерла. Во Флоренции эпохи Медичи жила девушка, мечтавшая выйти замуж только по любви. И вышла. И умерла. В Толедо жил молодой монашек, бастард знатного идадьго, который мечтал попасть в Рай и увидеть Пресвятую Деву. Он тоже умер, но в Рай так и не попал. В Нью-Йорке тридцатых годов XX века жил молодой злой журналист. Очень неосторожный и наглый. Он тоже умер. Но на этом их истории не закончились...

ISBN 978-5-44-853996-1

© Паршина Л. {.
© Издательские решения

Содержание

Сильфиды, виллисы и прочая нежить	6
1	7
2	9
3	11
4	14
5	16
6	18
7	20
8	23
9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сильфиды, виллисы и прочая нежить [История чёрного серебра]

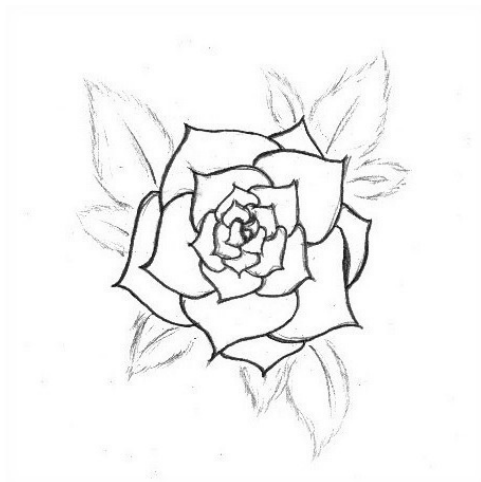
Любовь {Leo} Паршина

© Любовь {Leo} Паршина, 2017

ISBN 978-5-4485-3996-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сильфиды, виллисы и прочая нежить

1

Выпорхнув единожды сильфидой в теплый газовый свет и прожив короткую жизнь длиною в вечер, Корделия Дево отступила в полумрак закулисья и, кажется, растворилась в нем навеки.

Ее запомнили – запомнили по паре огромных голубых глаз, по паре опавших легких крылышек и по россыпи сверкающих бриллиантов, подаренных ей маркизом Анри де Венсеном.

Справедливо будет заметить, что до появления этого маркиза, милого молодого человека – одного из самых завидных женихов Парижа – мадемуазель Дево прозябала в неизвестности в последнем ряду кордебалета. Навеки осталось загадкой, как маркиз заметил ее там. Вероятно, впрочем, что их встреча произошла в одном из кафе, где коротали вечера артисты Оперы.

Их стали видеть вместе. Делия съехала из квартиры на границе с Монмартром, которую снимала вместе с двумя другими танцовщицами из труппы, и обосновалась в просторных апартаментах, снятых для нее маркизом, неподалеку от улицы ле Пелетье.

Затем маркиз несколько раз побеседовал с директором Оперы и Делия переместилась из последнего в первый ряд кордебалета. Так маркизу стало проще ею любоваться.

Маркиз с директором с тех пор сделались добрыми друзьями, у директора появилось множество крайне полезных связей, у его жены – новые кольца и серьги. А Делия станцевала па-де-де и пару небольших, но уже не безликих ролей, а когда вторая дублерша примы, итальянка Сорелли, внезапно покинула театр, сославшись на болезнь, Делия заняла ее место.

А затем, в один теплый октябрьский вечер произошло целых три судьбоносных события, которые уже не зависели ни от юной мадемуазель Дево, ни от ее милого маркиза.

Во-первых, первая дублерша примы слетела со скаралатиной; во-вторых, сама прима подвернула лодыжку; в-третьих, билет в одну из лож первого яруса купила некая таинственная итальянка, приехавшая в Париж пару недель назад. Но о последнем событии, как и о возможной его роли в своей судьбе, Делия не имела представления. Первые же два привели ее в совершеннейший восторг. Досадно было только, что на этот судьбоносный вечер был назначен чересчур короткий балетный спектакль – «Сильфида».

Но она решила не унывать – ведь это было лишь началом, лишь зарницей ее блистательной славы.

Делия искренне жалела тех ханжей и скучных глупцов, которые ушли прочь из зала, когда узнали о замене.

Завтра – уже завтра! – они пожалеют, что не захотели быть здесь сегодня.

Зал остался на треть пустым – Делия видела это через отверстие в кулисах. «Ну и пусть! – подумала она. – Блесну в камерном, узком кругу. Они еще будут кусать себе локти...»

И тут она заметила закутанную в черный бархат и густую вуаль фигуру в одной из лож первого яруса по соседству с ложей ее возлюбленного маркиза.

Эта фигура – это существо – напоминало статую под вуалью. Только черную. Да, это, казалось, была статуя или окаменевший призрак, но не человек – не женщина.

Из-за нее Делии стало неуютно и жутко, как бывает в присутствии тяжело больного, отчаянно бедного или мертвого человека.

«Зачем только эта старуха пришла?» – сердито подумала она. Женщина под вуалью представилась ей непременно старухой.

Вскоре подняли занавес.

«И вот, я – богиня!» – подумала Делия, прежде чем выступить из-за кулис.

По сюжету Сильфида появляется в жилище возлюбленного, впорхнув через окно. И Делия вошла через окно изысканно, величаво и с достоинством.

Роль она знала на зубок – идеально. Но знала она и где можно и нужно добавить тонкий штрих – наклонить головку, повести ножкой, бедром. И как нужно красиво умереть из-за любви, чтобы любимый в зале остался доволен.

Справедливо будет сказать, что Делия Дево действительно обладала талантом к танцу, но, увы!, к финалу представления число зрителей в зале еще немного уменьшилось. Оставшиеся хлопали – старательно и очень вежливо, но без особой страсти.

Наконец, аплодисменты смолкли и занавес опустился. Перед тем, как его половинки сомкнулись, Делия подняла глаза на маркиза, но ее тут же отвлекла странная женщина в соседней ложе. Сидящая в глубине ложи, она почти полностью была скрыта тенью, а с концом представления, плавно поднимаясь со своего кресла, словно черный призрак, женщина опустила на лицо кружевную черную вуаль. Лицо женщины Делия так и не разглядела, но заметила, что плечи ее вздрагивали, будто она смеялась.

В гримерной Делия оказалась одна. Раньше она делила ее с другой танцовщицей, которая теперь скоростижно покинула театр, став содержанкой у немолодого барона и забеременев.

На туалетном столике ждала корзина розовых роз от маркиза де Венсена. Еще пара букетов лежала рядом.

Служанка помогла Делии снять опостылевший костюм. Шум в коридорах вскоре затих. – Я в восторге, – вздохнула Делия, опускаясь в кресло. – Поддай мне воды.

Ей отчего-то казалось обязательным сказать, что она в восторге от сегодняшнего вечера, хотя на самом деле от усталости уже не чувствовала ничего.

Через четверть часа маркиз де Венсен умчал свою возлюбленную в роскошный, сверкающий золотыми огнями ресторан, в отдельный кабинет. К ним присоединился пожилой граф с очаровательной юной спутницей. Юная спутница была остроносой, разговорчивой и действительно очень юной. И почему-то все это вкупе страшно раздражало Делию. Особенно – ее юность и меленький, очень высокий смех. Мужчин же этот смех очень забавлял, а потому Делии не оставалось ничего иного, как смеяться вместе с этой девицей, хотя после минувшего вечера она не вполне понимала смысл шуток. Ее утешало лишь то, что по словам маркиза она была сегодня «особенно очаровательна».

Затем маркиз умчал ее в роскошные апартаменты неподалеку от улицы ле Пелетье.

Оказавшись, наконец, на шелковых простынях в объятиях маркиза, Делия подумала, что, похоже, смертельно устала и почему-то не ощущает восторга от своего триумфа.

2

Во сне ноги у Делии заплетались – она плясала и плясала, уже лишилась сил, но никак не могла остановиться. Никого, кроме нее на сцене не было, никого не было ни за кулисами, ни в зале. Только в одной ложе первого яруса сидела черная-черная тень – та самая отвратительная старуха. В какой-то момент она поднялась и стала спускаться в зал, сползая вниз по колонне, словно гигантский паук. Затем, так и не поднявшись на ноги, она двинулась к сцене, по лестнице в углу вползла на подмостки и стала приближаться к Делии. Та замерла, оцепенела, как статуэтка, а старуха, напротив, поднялась и зашагала вперед. Шла она, правда, тяжело, переваливаясь, кряхтя. «Как бабушка в свои последние дни», – подумала Делия с ужасом и тут же ощутила отвратительный старческий запах.

Все ближе и ближе подбиралась карга, тянула к ней свои бледные скрюченные руки с воспаленными суставами. Когда она приблизилась уже вплотную, Делия завизжала и вцепилась в ее черную густую вуаль – и сорвала ее с головы чудовища.

О, старуха оказалась еще ужаснее, чем можно было представить! В глазах не осталось ни капли цвета, в лице не осталось ни капли крови, нос почти провалился, рот стал зловонной черной ямой, жалкие остатки волос напоминали клочья паутины. Тем ужаснее смотрелись в ушах этого чудовища сережки – бриллиантовые сережки, что подарил Делии маркиз де Венсен.

Делия задыхалась, рвала ткань вуали, не в силах отойти, отпрянуть от ужасного лица старухи. Что-то держало ее, давило на самый затылок! Ах да, это ведь подушка.

Делия проснулась, но еще несколько мгновений нервно мяла край одеяла.

Рядом похрапывал маркиз.

В Париже светало.

За завтраком у Делии совсем не было аппетита – она лишь выпила кофе и съела сахарную корочку со слоеной булочки. Маркиз, напротив, поел с большим аппетитом и тут же стал излагать планы на день.

– Сейчас мне нужно домой – уладить кое-какие дела, – а потом заберу тебя и вечером мы поедем к старине Мишелю и Мадлен.

Делия кивнула и поводила ложечкой по дну чашки, размазывая остатки кофейной гущи.

– Что с тобой? – поинтересовался маркиз.

– Извини, – улыбнулась Делия. – Я знаю, что сейчас сама не своя. Немного утомилась вчера вечером. К тому же, мне до сих пор не по себе от того, как на меня смотрела та старуха в черном...

– Что за старуха?

– Та, что сидела в соседней с тобой ложе. Под вуалью.

– Она не старуха. С чего ты это взяла?

Делия несколько растерялась.

– Не знаю. Она выглядела, словно призрак.

– Да, одета старомодно. Она, кажется, носит траур по мужу. Один мой приятель вчера навел справки – заглянул в пару нужных лож, побеседовал. Ее зовут Кьяра Безаччо, она из Венеции. Уехала вчера из театра незадолго до нас вместе с вашим Жюлем Серро.

– Что, прости? С кем?

Маркиз поморщился.

– С вашим смазливый танцовщиком. Он вчера не танцевал – сидел в одной из лож с каким-то английским лордом, разряженным как павлин. А потом бросил его в фойе и укатил с итальянкой. Это, скажу я тебе, был еще тот цирковой номер!

Делия оказалась поражена настолько, что подлила себе кофе и принялась намазывать круассан маслом. Известие о том, что «милашка Жюль» укатил из театра с молодой итальянской вдовой, заставило развеяться тревогу, налипшую на душу после ночного кошмара.

– Невероятно. Но... Может, все не так просто? Откуда мы знаем, зачем он на самом деле с ней поехал.

– Сегодня сможешь вызнать это за ужином. Мишель пригласил к Мадлен их обоих. Ты же знаешь, как любопытен старина Мишель! А теперь прости, пташечка моя, мне пора.

И все же в этот день Делия Дево была немного не в себе. Она пыталась заниматься у станка, но занятие то и дело обрывалось, как обрывалась и зыбкая, внезапная цепочка мыслей.

«Что за странное чучело? – думала она. – С чего это Мишелю понадобилось таскаться за ней? Зачем Анри о ней расспрашивал?»

Она называла госпожу Безаччо чучелом, потому что совершенно не понимала природы ее явления. Если та молода, то зачем носит старомодное платье и густую вуаль? Если у нее траур по мужу – то зачем уехала с милашкой Жюлем? Почему, в конце концов, она смеялась?

«Странное существо и чудовищная женщина», – решила Делия.

Анри приехал поздно. Уже смеркалось и Делия, скинув атласные туфельки, сидела на софе, угощаясь легким розовым вином и засахаренными фруктами.

3

К Мишелю они явились в разгар веселья.

Строго говоря, веселились дома не у самого Мишеля, а у его любовницы, Мадлен Альбер. Делия любила бывать на таких вечерах – Мадлен знала, как развлечь гостей. Единственным ее недостатком был острый язычок, наполненный ядом здоровой женской зависти.

Они с Мишелем были ровесниками и она мучительно ревновала его ко всем особам женского пола. Стоило в ее салоне сверкнуть свежей юной красавице, как Мадлен тут же начинала шептать и отпускать невзначай колкие замечания о ее манерах и внешности. В целом, ей ничего не стоило быстро вытравить из их с Мишелем окружения любую, не успевшую там прижиться девицу.

Поэтому на вечера у Мадлен Делия старалась не одеваться чересчур роскошно, чтобы вместо единственной подруги не нажать злейшего врага.

Сегодняшний вечер, правда, стал исключением – Делии хотелось, чтоб ненавистная итальянка подавилась своим смехом! Так что она оделась, как принцесса – в платье цвета шампанского, в купе с бриллиантовыми серьгами и колье.

Сама Мадлен, к счастью, выглядела на редкость прелестно – в черном платье с алыми маковыми цветами, с царственным черным страусовым пером, приколотым к волосам рубиновой заколкой, и лежащимся на белое плечо.

Когда они с Анри прибыли, Мадлен как раз развлекала гостей своим пением – какой-то арией из старинной итальянской оперы. У нее был чудесный голос и несколько лет назад ей, юной звездочке, прочили успешную карьеру в театре.

Теперь ее театром стал салон – его просторный светлый угол, оформленный в виде огромной белоснежной раковины. А компаньонка Мадлен – фанатично ей преданная уже немолодая и некрасивая мадемуазель Бланш – аккомпанировала на фортепьяно.

Делия и Анри вошли за несколько мгновений до окончания арии, и с охотой присоединилась к оглушительным аплодисментам.

Мадлен поклонилась и, принимая комплименты, прошествовала через толпу гостей к Делии и ее маркизу. Анри поцеловал хозяйке вечера руку, заверил, что она неотразима и отправился на поиски «старины Мишеля».

– В последний раз я видела его в курительной комнате, – вздохнула Мадлен, провожая де Венсена взглядом. – Ах, мужчины!.. Милая, – улыбнулась она подруге, – ты сегодня прекрасна, словно принцесса.

– Благодарю. А ты – просто византийская царица! Эти цветы! Ах, и заколка!

– Да, я решила показать пример, как следует носить черное. Раз кое-кто не понимает.

– Кто же? – живо поинтересовалась Делия, попутно прикидывая, не имела ли подруга в виду ее саму и когда она в последний раз надевала черное. Но тут же она вздохнула с облегчением.

– Слышала ли ты о некоей сеньоре Безаччо? Да? Прекрасно! – Мадлен мстительно улыбнулась. – Мой милый Мишель зачем-то вздумал пригласить эту веселую вдову сегодня к нам. А она привела с собой смазливую содомита! – (тут Делия в душе усмехнулась – в свое время Мадлен сильно сокрушалась оттого, что «милашка Жюль» равнодушен к женским чарам). – Ах, дорогая! Ты ведь с ним знакома? Молю, вызнай у него хоть что-нибудь об этой особе. Она будто намеренно избегает беседы со мной.

– Клянусь, узнаю все, что смогу! – заверила Делия, про себя почти восхитившись итальянкой. Суметь избежать беседы с Мадлен на ее же вечере!

– Благодарю, милая! Да, кстати, наслышана о твоём триумфе. А теперь, извини. Мне нельзя оставлять гостей своим вниманием.

Мадлен душевно улыбнулась подруге и, все-таки скользнув оценивающим взглядом по ее платью, скрылась в толпе гостей.

Делия побродила по зале, перемолвилась парой слов с несколькими знакомыми, выпила бокал шампанского, попробовала что-то из закусок. И вскоре обнаружила милашку Жюля. Он стоял не в залах, а в маленьком, извилистом коридорчике, ведущем в комнаты, где во время вечеров иногда уединялись влюбленные парочки.

Там на стене висело большое зеркало и он, как одурманенный, всматривался в свое отражение, навязчиво дотрагивался до пышного жабо. На столике перед ним стояли два бокала – с шампанским и с красным вином.

Делия подошла и увидела, что Жюль еще и очень бледен.

– Жюль, дорогой мой! Добрый вечер, – промурлыкала она, расплываясь в улыбке.

– Мадемуазель Дево, – прошептал Жюль сухими губами. – Рад видеть вас здесь. Прошу прощения, но меня ждут.

– Ах, постойте! До меня дошли слухи, что вы изменили своим принципам. Я просто не могла...

– О чем вы?!

– Как о чем? Об итальянской вдове.

– Не смейте, мадемуазель Дево! Она – богиня. Я бы ни за что не прикоснулся к ней... непристойным образом.

Жюль схватил бокалы и скрылся за поворотом коридора. Впервые Делия увидела на его лице искреннее выражение оскорбленной добродетели.

Жюль, добродетель, богиня – вся эта вереница образов никак не могла улечься в хорошенькой, украшенной бриллиантами, головке Делии Дево.

Решив, что следовать за ним будет неприлично, Делия вернулась в залу. Там какой-то русский граф рассказывал пикантную историю, приключившуюся с некоей фрейлиной N при императорском дворе. Русский граф говорил и говорил, потом слово взял Анри де Венсен, потом вновь пела Мадлен.

Миновала полночь. Ускользнув в дамскую комнату на минуту-другую, как она сказала, освежиться, Делия поняла, что не хочет возвращаться в душную залу. Постояв в раздумьях возле укомной дверцы, она решила заглянуть в длинную комнату с большими окнами, служившую зимним садом. Она надеялась только, что там не обнаружится какой-нибудь воркующей парочки, которая помешает ей улучшить несколько секунд тишины, прохлады и одиночества.

Но в зимнем саду, среди камелий, лимонов, орхидей и пальм, сидела Кьяра Безаччо. На столике перед ней мерно горели две свечи, в их свете поблескивали золотистым узором брошенные кем-то в беспорядке карты.

Кьяру Безаччо Делия узнала по платью. Вуали на ней сегодня не было, и она действительно оказалась довольно молодой. В первое мгновение Делия даже подумала, что они могут быть ровесницами, но затем поняла, что итальянка все-таки старше.

Возраст ее не могли выдать ни ее кожа, матовая, как бисквитный фарфор, с оливковым отливом, ни темно-каштановые волосы. Старыми были ее синие глаза – они смотрели на огоньки свечей, словно хотели и могли погасить их. Волосы ее были уложены очень просто, на античный манер. Простым было и ее старомодное черное платье с завышенной талией, и веер из плотного черного кружева, лежащий на ее коленях. Поверх веера она сложила руки, казавшиеся в запястьях невероятно тонкими из-за облегающих рукавов с рядом мелких пуговиц, лежащих углом на тыльные стороны ладоней. На безымянном пальце правой руки у нее поблескивал перстенок из золота с зеленой бирюзой. Кроме него, на итальянке были серьги – простые золотые капельки – и тяжелый золотой медальон.

Кьяра, казалось, так глубоко погрузилась в свои мысли, что не заметила, как к ней приближалась Делия. А та подходила и подходила все ближе, с каждым шагом думая, что вежливым будет обратить на себя внимание и поздороваться, но слишком хотелось рассмотреть эту странную женщину. Когда их разделяло не больше трех шагов, Кьяра спокойно повернула голову и посмотрела на Делию без малейшего удивления, словно та покинула ее на минуту, прервав беседу.

– Мадемуазель Дево, добрый вечер, – произнесла она, чуть выпрямляясь на стуле.

– Мадемуазель Безаччо, – почти выпалила Делия, склоняя голову.

Кьяра улыбнулась.

– Я предпочитаю «сеньора». Но можете звать меня «мадам», если вам угодно. Рада с вами познакомиться.

– Как и я, мадам. Вы замужем?

– Была.

– О, мне так жаль!

– Не стоит. Мой муж умер много лет назад. Присаживайтесь, мадемуазель.

– Благодарю, – Делия присела напротив, старательно расправив складки блестящего атласа своего платья. – Знаете ли, мадам, – я вынуждена вас предупредить – о вас в обществе ходят слухи.

– Вот как? Быстро. И что же говорят обо мне?

– Разное. Ваш отъезд из театра вместе с Жюлем Серро произвел фурор. Если сможете разбить его сердце, вам будут завидовать все женщины Парижа...

– Сожалею, мадемуазель. В мои планы не входит разбивание его сердца. У нас с ним чудесные дружеские отношения.

– Он зовет вас богиней.

Кьяра от души, звонко рассмеялась.

– Какой милый мальчик.

– И оставил в тот вечер ради вас своего друга.

– Друга? Бросьте! Кавалера на один вечер. Скажите, а почему вас так тревожит судьба Жюля?

– Мадам, она меня вовсе не волнует! Я... – Делия вдруг почувствовала, что сорвалась почти против своей воли с лукаво-игривой манеры на простой разговор. – На самом деле, я хотела спросить вас про нечто иное.

– Прошу вас, спрашивайте.

– Вы были вчера в театре, видели меня.

– Да. Вероятно, для этого вы и выходите на сцену, чтобы вас видели.

– И вы смеялись. Вы насмехались надо мной?

– Отнюдь. Вас я тогда не знала. Меня позабавила только ваша манера танца. В отточенном умении вам не откажешь, но вы были смешны в своем стремлении понравиться своему покровителю. И в своей гордыне тогда, на поклонах...

Делия онемела. Ее лицо, грудь и ладони вспыхнули, она принялась, что есть силы обмахиваться веером.

– Да как вы смеете? Мой покровитель... – она усмехнулась. – Мой возлюбленный – маркиз де Венсен. И в его силах навсегда разорвать связь между вами и сколько-нибудь приличным обществом. Кто заступится за вас, мадам? Милашка Жюль?

– Право, не пойму, чем именно вызвала такой гнев.

– Я вас презираю! – прошептала Делия и, вскочив, умчалась прочь из комнаты.

От ветра, поднятого ее юбками, зашелестели на столе карты, качнулись в кадках орхидеи.

Кьяра снова засмеялась.

4

Делия никому не рассказала о разговоре в зимнем саду, решила подождать, пока на руках у нее окажется козырь и она сможет достойно отплатить итальянке. Но с этого вечера несчастья словно бы преследовали мадемуазель Дево.

Вначале маркиз де Венсен за неделю ни разу не остался ночевать. После ужина отвозил ее домой или просто отправлял в своем фиакре, а сам оставался в ресторане.

В конце недели в гримерную к Делии подселили новую молоденькую балерину.

Прима вернулась, новых ролей Делии не предлагали. Вновь она была в первом ряду кордебалета.

Делия хотела перемолвиться словечком с милашкой Жюлем – из праздного любопытства – но узнала, что он слег с лихорадкой.

Устав ждать козыря от жизни, Делия отправилась к Мадлен, одевшись, как гувернантка и не накрасившись, чтобы та в полной мере ощутила глубину ее страдания.

Этот ход сработал безукоризненно – Мадлен, разбиравшая в гостинной корреспонденцию за чашечкой кофе, всерьез встревожилась за подругу.

– Милая, что с тобой случилось? Садись, скорее! Матильда, принеси еще кофе и пирожных. Что такое, Делия? Тебе нездоровится? У тебя неприятности?

Они устроились в малой гостиной, обильно украшенной лепниной и сверкающей атласом стен.

Делия вздохнула, словно старалась успокоиться.

– На меня будто навели цыганское проклятье. Все было так чудно, так хорошо, а теперь все рушится, ускользает сквозь пальцы... – к концу фразы голос ее и в самом деле дрогнул.

Мадлен закивала. По глазам ее было видно, что она жаждала подробностей, но ей пришлось ждать почти минуту, пока мадемуазель Бланш нальет Делии кофе.

– Благодарю, – прошептала Делия и отпила глоток. – Все началось с того вечера, с разговора с чертовой итальянкой.

– О, так ты с ней говорила? А мне не рассказала!

– Потому что это был ужасный разговор. Ты бы только слышала, что и как она говорила. Это не женщина, а какое-то чудовище! Она действительно была замужем?

– Кажется, да. Этот пудовый медальон у нее на шее – слышала, это что-то в память о муже.

– Не удивлюсь, если там у нее мышьяк, а мужа она отравила.

Мадлен залилась смехом.

– Как забавно, дорогая! Надо будет непременно рассказать на одном из вечеров. Кстати, ты собираешься быть у меня в следующую пятницу?

– Не знаю, право. Я сама не своя. И Анри – так холоден...

– Холоден?

– Да... – Делия действительно хотела поделиться с подругой своим главным женским горем, но тут что-то словно предостерегающе кольнуло в глубине души. – Понимаешь, обычно он был очень пылок. А теперь все стало так, словно мы женаты. Хотя, чему я удивляюсь? Мы не первый год вместе и так привыкли друг к другу. Может, так и должно быть, а я зря терзаю себя пустыми сомнениями? Как ты думаешь, дорогая?

Пока Мадлен, сдержанно кивнув, думала, что ответить на эту «жалобу», Делия отправила в рот крохотное бисквитное пирожное и отхлебнула еще кофе, который теперь казался ей свежее и горячее прежнего. Одному Богу известно, какими окольными путями прошла в эту долгую минуту мысль Мадлен Альбер, но следующим, что она произнесла, было:

– Ты знаешь, что ей пятьдесят лет?

– Кому?

– Кьяре Безаччо.

– Что за чушь, дорогая?

– Да-да! Виконт де Брильи видел ее в Венеции пятнадцать лет назад. Она говорила, что ей двадцать девять, но уже тогда выглядела моложе. И уже была вдовой – появлялась всюду с каким-то мужчиной по имени, кажется, Марко. На карнавалах он носил маску Мефистофеля, а по рассказам тех, кто его знал, сам был сущим дьяволом...

– Дорогая! Не стоит верить де Брильи. Разменяв шестой десяток, он стал слаб рассудком.

– А ты только представь, что и Кьяра Безаччо собирается разменять шестой десяток.

– Не верю! – воскликнула Делия, хотя в действительности была готова поверить. Вот что не так с этой странной сеньорой Безаччо! Она и вправду уже стара! – Однако не пойму, к чему ты говоришь это. Как меняется положение дел оттого, что ей на двадцать лет больше, чем все думали?

– Тебе не кажется, что было бы неплохо узнать ее секрет? Как ей удастся сохранять юность? Ты только представь – лишние двадцать лет молодости! – Мадлен говорила горячо, почти шепотом и была ужасающе серьезна. Такой Делия видела ее крайне редко.

– Но это невозможно. Говорю же тебе – де Брильи нельзя верить. Он фантазер и рано состарился.

– Неужели не стоит даже попытаться? – Мадлен схватила Делию за руку. – Если есть хоть малая вероятность... Подумай: тебе уже двадцать четыре, мне тридцать. Ни Анри, ни Мишель не женятся на нас никогда. Все, что мы можем – это удерживать их возле себя своей красотой, своими ласками. Но и ласки станут им омерзительны, когда наша молодость уйдет. Со мной это случится раньше и очень скоро. А ведь я пожертвовала ради него карьерой в театре. Тебе повезло – у тебя еще несколько лет, прежде чем твоя закончится...

– Прекрати! – почти закричала Делия, отнимая у Мадлен свою руку. – Ты сошла с ума и говоришь ужасные вещи. Совсем, как она! О, я поняла!.. Да-да, дорогая, я поняла. Ты давно сдружилась с этой итальянкой и вы решили так зло подшутить надо мной! Тебе завидно, что я молода и сверкаю на подмостках.

Глаза Мадлен похолодели, губы вначале поджалились, а затем расплылись в злую усмешку.

– Дорогая, думаю, тебе лучше уйти.

5

Сев в фиакр, Делия предусмотрительно задернула шторы, а после нескольких шумных вздохов поняла, что не в силах сдерживать рыдания. К счастью, собираясь к Мадлен, она почти не накружилась и теперь пришлось только вытереть румяна с повлажневших щек.

– Гадина, – шептала она. – Что за бессердечная мерзавка?! Ведьма!

Фиакр ехал чересчур медленно. В какой-то момент Делия отодвинула штору, чтобы посмотреть, где они находятся и встретила взглядом – да что там, оказалась почти нос к носу! – со старушкой-зеленщицей. Это ей ужасно не понравилось. Также с досадой она заметила, что до дома еще далеко. Вначале она решила еще поплакать. Но вдруг ее осенило – ведь тут недалеко находилась улочка, на которой жил «милашка Жюль». Что может быть дурного в том, чтобы навестить больного знакомого? Учитывая репутацию Жюля, дурных слухов о ней не пойдет.

Делия отворила окошко за спиной кучера.

– Стой! Стой, разворачивай!

Жюль снимал две комнаты у своей дальней родственницы, которая на поверку оказалась неприветливой грузной старухой с пробивающейся бородой. Похоже, она была недовольна внезапным визитом.

– Добрый день, мадам, – как можно более коротко проговорила Делия.

– Мадемуазель, – басом поправила ее старуха.

– Простите. Мадемуазель, могу ли я повидать Жюля? Я – Корделия Дево, балерина. Возможно, вы слышали обо мне...

– Можете, – дозволила тетушка Жюля. – Проходите. Театр и все ему подобное я не одобряю – никакой пользы, один разврат. Чего я только не натерпелась в собственном доме! Ходила в церковь, молила Деву Марию, чтобы вразумила этого дурня. И что же? Из всех возможных женщин он выбрал этот сосуд дьявола. Вот, прошу.

Так, сетуя на жизнь, дама провела Делию по длинному сумрачному коридору, заставленному сундуками, этажерками и шкафчиками. Комната Жюля оказалась в самом конце, за белой дверью, множество раз крашенной поверх старых слоев. Открыв ее перед Делией, тетушка тут же зашаркала прочь.

– Тетушка, это ты? – раздался из глубины комнаты встревоженный голос Жюля. – Кто пришел?

– Да провались ты, бестолочь, – устало проворчала тетушка, но племянник ее не услышал.

Делия вошла в комнату. Внутри оказалось ужасающе душно. Пахло пылью, затхлым воздухом, потом и дешевым парфюмом. Поэтому первым делом Делия отдернула плотные гардины из старого узорчатого бархата и распахнула окно, а затем уже подошла к алькову, где в ворохе подушек притаился Жюль.

– Мадемуазель Дево? – облегченно, даже радостно выдохнул он.

– Дорогой Жюль, я проезжала мимо и решила проведать вас. Вы так долго не появлялись. Как вы себя теперь чувствуете?

Жюль сел на кровати и отодвинул полупрозрачный балдахин. Выглядел он, как заметила Делия, неплохо, только чуть побледнел и осунулся. На нем была ночная сорочка, безразмерный персидский халат и голубой платок, обмотанный вокруг шеи.

– Благодарю. Я чувствую себя намного лучше.

Голос его, хотя и был тих, не выдавал каких-либо, даже малейших, признаков простуды и болезни. «Надо же, – подумала Делия. – Печется о своем горле, будто он – певец...».

Наступила неловкая пауза, в тишине было слышно, как в гостиной бьют часы.

– Пять... – проронил Жюль. – Солнце, конечно, только начало садиться. Мадемуазель Дево, могу ли я попросить вас об одной услуге? Суший пустяк, откровенно говоря...

– Да, разумеется, – любезно улыбнулась Делия, хотя выполнять какие-либо услуги у нее не было ни малейшего желания.

Однако просьба Жюля удивила ее.

– Прошу, передайте госпоже Безаччо небольшое послание. Погодите минуту, я сейчас его напишу.

Жюль вскочил с кровати и метнулся к секретеру в углу комнаты. Писал он очень спешно, почти не присаживаясь на кожаный табурет. Закончив и вправду короткую записку, он подул на чернила, нервно улыбнулся Делии через плечо, а затем принялся махать листом, как полотенцем, чтобы так скоро написанные строчки высохли еще скорее. Далее он дрожащими руками зажег свечу, сложил лист и запечатал его воском. Несколько секунд спустя, когда высох и воск, Жюль вдруг так крепко схватился за готовое письмо, что Делия решила: «Передумал. Не отдаст».

Но Жюль решительно развернулся, шагнул к ней и вручил письмо.

– Вот. Отдайте ей лично в руки. Прошу...

– Разумеется. Но как я ее найду?

– Ах да! Простите, сейчас соображу!.. Сегодня же воскресенье? Вечер... Да! Она в городе. Либо приехала из своего загородного домика, либо... как раз просыпается. Сейчас я напишу вам адрес.

Он выдернул письмо из рук Делии, вернулся к секретеру и надписал в уголке карандашом адрес.

– Если ее не будет там, передайте потом, в театре. Она непременно вновь появится в театре! Но только лично в руки, чтобы знать, что она точно получила. Простите, я, наверное, слишком утруждаю вас?..

– Нет-нет, нисколько! – заверила Делия и взяла из рук Жюля письмо, которое он словно бы вновь не хотел отдавать.

6

Прежде чем ехать по надписанному адресу, Делия все-таки заглянула домой. Перед этой чертовой итальянкой нельзя показываться в таком неподобающем виде.

С помощью горничной она облачилась в бирюзовое платье с изумительно красивой линией выреза, открывающей грудь и плечи ровно настолько, насколько нужно. Сам вырез она украсила золотым цветком с сердцевинкой из жемчужины.

Даже если Кьяра и хороша в свои пятьдесят, возраст не может не давать о себе знать, и цветущая красота молодости должна как следует ее разозлить.

Сама Делия немного злилась на Жюля – запечатал, мерзавец, письмо, словно он ей не доверяет. Не нарушая восковой печати, она попыталась приоткрыть его насколько возможно, но ей удалось разобрать лишь несколько разрозненных слов («морок», «женщина», «болезнь»).

Вздыхнув, она положила письмо в сумочку и отправилась в гости к демонической госпоже.

Несмотря на поздний час, Кьяра Безаччо только проснулась. Она сидела в светлом шелковом халате, в маленьком кабинете, напоминающем сдержанный в оформлении будуар, за столиком у окна и угощалась горячим шоколадом, пока старая служанка расчесывала ее роскошные, без единого проблеска серебра, волосы. На столике рядом с зеркалом лежало несколько писем и янтарный нож для бумаги.

– Мадемуазель Дево... Какая неожиданность – вы у меня в гостях! – заметила Кьяра, осторожно, дабы не помешать служанке, оборачиваясь к вошедшей.

– Не стану скрывать – для меня это тоже сюрприз, сеньора! – решительно ответила Делия. – Но меня к вам привело дело. Давний друг попросил об услуге.

– Что ж, присаживайтесь.

Делия присела.

Кьяра что-то велела служанке по-итальянски – кажется, принести шоколада гостю. Делия, сделала вид, что не поняла ни слова – будет лишний козырь в рукаве. К тому же, она была не против шоколада, ибо пах он божественно.

– Признаться, я и сама желала искать с вами встречи, – продолжала Кьяра. В отсутствии служанки она сама принялась не спеша водить гребнем по волосам. – Я была слишком резка с вами. Оправданием мне может служить лишь то, что недавно я пережила болезненное разочарование... Так что же за дело поручил вам ваш друг?

Госпожа Безаччо столь внезапно переменила тему своей речи, что Делия, приготовившаяся было слушать извинения вспыльчивой и вздорной дамы, вдруг растерялась и совершенно запуталась в тесме, стягивавшей ее сумочку. К счастью, в этот момент вернулась служанка с серебряным подносом в руках. На подносе стояла на своей широкой фарфоровой ножке-юбочке чашка с темным дымящимся шоколадом, в котором медленно таял кусок плотных, взбитых почти до состояния масла, сливок.

Делия передала письмо Жюлю Кьяре и подхватила чашку за ее изогнутую ручку. Повела серебряной ложечкой в вареве – аромат стал отчетливее, пригубила – и запачкала нос в сливках.

Кьяра рассмеялась. Делия поспешно вытерла нос салфеткой, которую вместе с подносом служанка оставила рядом на цветочном столике. Сама она как-то незаметно исчезла куда-то, окончательно предоставив волосы госпожи самой госпоже. Но Кьяра, оказалось, смеялась вовсе не над Делией, а над письмом Жюля.

– До чего забавный мальчик! Он просил об ответе?

– Насколько я помню, нет.

– Прекрасно! Я даже не знаю, что на это сказать...

Она бросила письмо к прочим бумагам на столике, поудобнее уложила копну каштановых волос на плече и продолжила их расчесывать. Делия понимала: официальный повод для ее визита закончился и единственное, что держит ее сейчас здесь – это учтиво предложенный хозяйкой горячий шоколад. Но невозможно же молча сидеть, пока не выпьешь все до капли, словно какая-то нищенка.

– Попробуйте сливки, пока совсем не растаяли, – посоветовала Кьяра. – Они изумительно свежие и вкусные...

Делия охотно подцепила кусочек сливок ложечкой и отправила в рот.

– Значит, я вас правильно поняла – вы изменили свое мнение, относительно моего искусства?

– Я сказала, что была чересчур резка. Но вам кое-чего не хватает, чтобы ваш танец действительно стал произведением искусства.

– Чего же?

– Вас. Другой вас. В каждом человеке живут двое. Внешний человек, выращенный людьми, отвечает правилам этикета. Внутренний – настоящий – горит божьим огнем.

– Считаете, во мне нет божьего огня?

– Есть, раз вы решили посвятить себя искусству. Просто его не видно за вашей фарфоровой внешней оболочкой.

– Я всегда прежде всего – женщина...

– Тогда зачем беспокоитесь об искусстве? Вы красивы, молоды, у вас прекрасное женское тело. Что вам еще нужно?

«Это шанс!» – блеснула в голове Делии мысль. Несмотря на те гадости, которые наговорила ей вежливым тоном итальянка, стоило узнать ее секрет. Или убедиться, что его не существует, и жить со спокойной душой.

– Мне нужно как можно дольше оставаться молодой.

– Этого хотят все, мадемуазель.

– Но маркиз де Брильи рассказывал, что вы – владеете секретом продления молодости.

– Секрет продления молодости? Высыпаться, побольше гулять и меньше переживать из-за мужчин.

– Де Брильи рассказывает, что видел вас тридцать лет назад и вы были столь же молоды, как и сейчас.

– Ерунда! Ему изменяет память. Но – если найдется такое средство, дайте знать!

Делия чувствовала, что итальянка что-то утаивает. Не надеялась, не хотела верить, а именно чуяла нутром. Но Кьяра улыбалась и говорила спокойно, так, что ее едва ли можно было уличить во лжи.

Пауза почти неприлично затянулась.

– Непременно, сеньора Безаччо, – ответила она и, отставив чашку недопитого шоколада, поднялась. – Непременно дам вам знать. Благодарю. А теперь прошу прощения, мне пора. Всего доброго.

– Всего доброго, мадемуазель Дево.

Делия удалилась, думая, не была ли она чересчур мила с этой неприятной женщиной.

Дождавшись, пока дверь в квартиру захлопнется, Кьяра еще раз пробежалась глазами по строчкам письма Жюля, а затем смяла его и бросила в корзину для бумаг. После этого она встала, прошла по комнате и села на место, которое секунду назад занимала Делия. Осторожно, кончиками пальцев, прикоснулась она к золоченой ручке чашки. Фарфор почти остыл от прикосновения человека.

7

Кьяра Безаччо на какое-то время исчезла из города и заперлась в снятом ею загородном доме.

Говорили, что она принимает там таинственного гостя, будто бы даже – священника. Мгновенно порхнули по салонам шутки о том, каких странных мужчин выбирает сеньора Безаччо.

Потом маркиз де Венсен, наконец, остался ночевать, а Мадлен прислала Делии записку с призывом позабыть былое недоразумение и прибыть к ней на чаепитие со столоверчением и вызовом духов.

Так что, проснувшись однажды утром, Делия Дево подумала, что жизнь будто бы наладилась, вошла в привычное русло. Анри к ней не охладел, с самой острой на язык дамой полусвета она по-прежнему в теплых отношениях и, самое главное, – вот-вот, после временного спада, начнется ее дальнейшее восхождение к вершине славы. Но отчего-то в глубине сердца, под потоком горячей, жизнелюбивой крови лежала чугунной пластиной тоска: будто ничего уже не будет по-прежнему – будто не рябь на воде улеглась, а сама вода перелилась куда-то за плотину и несется необратимо в чужую холодную даль.

Вдруг захотелось родить ребенка, но после легкого завтрака это желание прошло.

На сеанс разговора с духами Анри согласился поехать с большой охотой. Делия даже заподозрила неладное – обычно ее маркиз не изъявлял желания каким-либо образом приобщиться к духовному миру.

В гостиной Мадлен была создана соответствующая атмосфера – свечей горело меньше обычного, а окна занавесили темными плотными портьерами. В центре залы стоял окруженный пока пустыми креслами круглый стол, накрытый торжественной и мрачной черной скатертью.

Гости сидели на диванах, угощаясь шампанским. Делия и Анри приехали последними, когда остальное общество было уже в сборе.

Набор гостей был необычным: помимо Мишеля имелся милашка Жюль, все еще нервный, с глухим высоким воротником, от чего его худое бледное лицо казалось еще более худым и бледным. Была тут и пара Делии не знакомая, по виду и манерам – художник с натурщицей, а также пожилая дама в мышином бархате и молоденькая балерина, недавно поступившая в Оперу и делившая с Делией гримерную.

Появление последней стало для Делии крайне неприятным сюрпризом. Когда эта пустышка успела подружиться с Мадлен и как та терпит ее рядом?..

– Итак, наконец, все в сборе... – промурлыкала Мадлен, когда все поприветствовали друг друга и обменялись несколькими дежурными фразами. – Тогда – к столу. Прошу прощения, но сейчас исключительно за духовной пищей!

Все сели за стол, взяли за руки. Пожилая важная дама заняла почетное кресло с высокой резной спинкой. Она, как нетрудно было догадаться, и являлась проводником в потусторонний мир.

В выборе покойного собеседника собравшиеся оказались удивительно единодушны – все желали Борджиа. Сначала призывали самого Александра VI, но он, видимо, был занят или вызван кем-то другим. Зато оказался свободен Цезаре.

Старуха-медиум бормотала севшим голосом – пересказывала то, что нашептывал ей дух: о забавах с Лукрецией, с прочими женщинами и... о ваннах бычьей крови, которые он принимал, спасаясь от яда. Вдруг Жюль ахнул и подскочил на стуле, словно желал встать

из-за стола, но сидящие рядом медиум и Мадлен его удержали. И все же милашка Жюль умудрился напугать Чезаре Борджиа – тот сгинул и не желал больше возвращаться на зов.

Дама-медиум была крайне недовольна и раздосадована, и слуги увели ее отдохнуть в комнаты. В гостиной тем временем зажгли еще с десятков свечей, отдернули гардины и подали закуски. Спутница художника, сидящая в объятиях уютного дивана и своего друга, повела плечами и украдкой огляделась, словно Борджиа все еще витали рядом.

Жюль то и дело теребил и поправлял свой шейный платок.

– П-простите... Позвольте, – с трудом вымолвил он вдруг и почти выбежал из гостиной.

Все проводили его взорами. Кто-то недоуменными, кто-то – насмешливыми.

– А ведь, наверное, каждый, – заговорила Мадлен, будто бы размышляя вслух, – либо тайно, либо явно, питает слабость к какому-то пороку. И не всегда это слабость. Порою порок может стать козырем в игре с жизнью. Вот, например, сегодня вечером мы с вами предавались греху. Разве нет? Кстати, пойду проведу, как там наш проводник в мир духов...

К сожалению, за этот вечер более никто из великих правителей или развратников прошлого к ним не явился.

На следующий день в театре полным ходом шли репетиции балета «Зефир и Флора», в котором Делии досталась роль одной из граций.

Вернувшись после в гримерную, Делия с досадой обнаружила, что, во-первых, у нее отчего-то разболелась стопа, а во-вторых – что на полу возле столика ее соседки лежит увядший букет. Какой-то поклонник прислал, а девица просто забыла его в гримерной.

– Дура, – прошипела Делия, стягивая с ноги пуанту. Соседки в комнате, разумеется, не было – бегала где-то в образе нимфы. – Дура...

Она встала на больную ногу – осторожно, затем увереннее. Боли не было. Показалось. Конечно же, показалось. У нее не могут просто так болеть ноги, ей всего двадцать четыре.

Накануне спектакля Мадлен Альбер вдруг сама нанесла Делии визит. Делия была удивлена и немного недовольна – она и без того чувствовала крайнее нервное напряжение перед предстоящим спектаклем и к тому же взялась лишний раз отработать несколько движений из партии Флоры. На всякий случай.

Но, накинув поверх легкого балетного платья персидский халат, Делия вышла к гостье и приветливо с ней расцеловалась.

– Мадлен, дорогая, какой неожиданный визит.

– Не беспокойся, милая, я всего на четверть часа. У тебя ведь завтра важный день, я помню.

Служанка подала красный чай из лепестков розы и ягод, который Делия так любила, и подружки устроились на диване в гостиной.

– Как твои дела? Как Мишель? – любезно поинтересовалась Делия, разливая чай.

– Все прекрасно, благодарю, – отвечала Мадлен, глядя на алую горячую струйку, наполняющую чашку. – Я узнала кое-что крайне интересное. Коль скоро де Брильи и правда слегка не в своем уме, я навела справку через своих знакомых. Хочешь верь, хочешь – нет, но Кьяре Безаччо никак не меньше пятидесяти лет.

– Мне казалось, что мы договорились не поднимать более эту тему... – отметила Делия, прикидывая, не могла ли Мадлен как-то узнать о ее разговоре с Кьярой. О самом визите – вполне, если милашка Жюль проболтался.

– Пойми же! Опомнись, пока не поздно. У нее действительно есть средство, которое может отсрочить наступление старости.

– Тогда почему бы тебе самой не спросить у нее?

– Она достаточно сдержанна в общении со мной. Я пыталась заглянуть к ней вчера, но ее служанка сказала, что госпожи нет дома.

– Может, она и правда еще не вернулась в Париж?

– Вернулась. Я проверяла. И завтрашний спектакль она, будь уверена, не пропустит. Кажется, ты ее чем-то очень заинтересовала. Подумай – если у тебя есть шанс получить секрет продления молодости, возможность обмануть старость – может, стоит заинтересоваться поэзией Сафо¹?

Делия опешила. Что там – онемела, как если бы Мадлен вместо последней фразы вылила ей на колени весь кипяток из чайника.

– Что за мерзость ты говоришь?! С чего ты вообще решила, что Сафо имеет какое-то отношение к этой итальянке?

– Как минимум пятнадцать лет она не замужем, хотя и выглядит прекрасно, намеренно и тщательно сохраняя свою молодость. За все это время у нее было множество юных поклонников, которых она не отталкивала, но и не приближала – ни одного, насколько мне известно. И она с удовольствием проводит время в компании Жюля Сеппо. *Similis simili gaudet*², – ухмыльнулась Мадлен и тут же сделалась серьезной и взволнованной: – Сохранить молодость, Делия! Молодость и красота для таких, как мы, значат все! Я была бы готова на что угодно, но она не желает со мной общаться. А с тобой – желает. Она завтра будет в театре. Просто прошу тебя – за нас обеих, ради будущего – если будет шанс, не упusti его. *Поэзия Сафо*, в конце концов, не так уж ужасна по сравнению с нищенской старостью, – Мадлен пригубила чай и поднялась, поправляя оборки на платье. – Прощай, дорогая. Благослови тебя Терпсихора.

¹ Сафо – древнегреческая поэтесса с острова Лесбос, воспевавшая в своих стихах любовь к девушкам.

² Подобное радуется подобному (лат.)

8

Кьяра Безаччо на следующий вечер действительно сидела все в той же ложе, но уже без вуали, в платье из синего бархата и со спутником. Его легко можно было принять за студента-семинариста – изможденного и голодного.

В фойе эту странную пару многие провожали взглядом. В том числе и Анри де Венсен.

– Милый мой маркиз, – обратилась к нему Делия, желая привлечь внимание, – вы заставляете меня ревновать.

– Не говорите ерунды, мадемуазель, – отмахнулся маркиз.

– Хорошо, мсье, как прикажете. А как я понравилась вам сегодня в роли грации?

– Вы были весьма грациозны, мадемуазель.

На следующее утро, едва Делия проснулась, горничная подала ей письмо. Лениво, но по привычке мило зевая, Делия сломала печать и развернула лист плотной бумаги. Вначале она решила, что содержание письма – не более чем продолжение сна...

«Мадемуазель Дево,

Если вы действительно желаете продолжить беседу о скоротечности жизни за чашечкой горячего шоколада, то я буду рада видеть вас в моем загородном доме. Вечером, ровно в семь часов вас будет ждать у подъезда мой экипаж.

Кьяра Безаччо

P.S. У меня гостит мой давний друг. Но уверяю вас, он – добрый христианин и кроток как ягненок. К тому же в мой дом мы с вами и он прибудем порознь, так что ваша репутация не будет задета в глазах общества никоим образом.»

«До чего удачно все складывается!» – торжествующе подумала Делия, вновь и вновь пробегая взглядом по строчкам.

– Колетт, подавай завтрак! – крикнула она горничной.

Ровно в семь часов под окнами Делии стоял экипаж. Возница, седой, похожий на беглого каторжника, поднялся наверх, чтобы помочь мадемуазель Дево с багажом. Не зная, на сколько она едет, Делия взяла с собой пару саквояжей и шляпную картонку.

Горничной она велела отвечать всем, кроме маркиза де Венсена, что мадемуазель Дево нездорова. Самому маркизу она оставила письмо, где сообщала, что вынуждена срочно уехать – ей не здоровится, и она не желает утомлять его своими жалобами.

– Прости, милый, – шепнула она, сбрызгивая письмо духами. – Ты должен понять, что это ради тебя.

В экипаже Кьяра Безаччо уже ожидала свою гостью.

– Добрый вечер, мадемуазель. Рада вас видеть.

– Здравствуйте, сеньора. Мне было очень приятно получить ваше приглашение. Но, тем не менее, позвольте узнать, сколько продлится наше пребывание в вашем доме? Не следует ли мне сделать более долгосрочные распоряжения для прислуги?

– Я планирую побыть там довольно долго – все неотложные дела в Париже я закончила. Но вы можете оставаться столько, сколько сочтете нужным. Мой экипаж будет к вашим услугам в любое время дня или ночи.

Тронулись в путь, и Делия призадумалась – как же вести себя дальше? В том, что Кьяра Безаччо питает к ней определенный интерес, сомнений не оставалось. Но как дать

понять, что она не имеет ничего против подобного интереса? Каким образом стоит кокетничать с другой женщиной?

Делия попробовала улыбнуться, Кьяра улыбнулась в ответ. Делия бросила томный взгляд за окно, тихо вздохнула и вновь аккуратно ненавязчиво улыбнулась.

– Все хорошо? – участливо поинтересовалась Кьяра.

– Да, сеньора. Все прекрасно.

Четверть часа спустя Париж остался позади.

– Вы не слишком любите бывать в обществе? – спросила Делия в надежде завязать разговор.

– Не слишком. Хотя, должна признаться, все зависит от общества и от сопутствующих обстоятельств. Боюсь, что в этот раз я произвела на парижан несколько гнетущее впечатление. До недавнего времени мной владело несколько меланхоличное настроение.

– Из-за болезненного разочарования? – подхватила Делия. – Разрешите осмелиться на вопрос?

– Прошу, мадемуазель.

– Вам причинил боль мужчина?

– О, нет! – рассмеялась Кьяра. – Мужчина тут не причем.

– Надеюсь, я помогу вам справиться с тоской!

– Я в этом не сомневаюсь, мадемуазель.

– Позвольте спросить...

– Да, мадемуазель?

– Чем я привлекла ваше внимание?

– А вы считаете, вам нечем привлечь к себе внимание?

– Нет, разумеется, есть. Но... – Делия осеклась. «Но внимание мужчины, – хотела сказать она. – В самом деле – что может во мне привлечь другую женщину? Разве что она мыслит как мужчина...»

– Позвольте и мне задать вам вопрос, мадемуазель Дево?..

– Разумеется, сеньора.

– Простите, если я оскорблю вас подобным вопросом, но мне показалось, что вам чужда ханжеская мораль. Вы ведь человек широких взглядов, верно?

– Да, сеньора! – живо подтвердила Делия. – Самых широких!

К дому они подъехали в полной темноте. Судя по горящим окнам и освещенному факелами portalу парадного входа, он был построен в эпоху Ренессанса и с тех пор почти не претерпел изменений.

Делия с наслаждением почувствовала под ногами твердую землю и вдохнула холодный ночной воздух. Кругом было оглушительно тихо, только шелестела едва тронутая желтизной и сияющая в лунном свете листва.

Вслед за хозяйкой Делия вошла в дом.

В просторном холле, освещенном свечами и огнем в камине, пахло старым деревом – пахло временем. Все здесь и вправду было очень старое – паркетный пол со стертymi, но залаченными половицами, стулья, столы, сундуки, гобелены и пара пейзажных миниатюр на стенах. На последних едва можно было что-то разобрать не только из-за царящего полумрака, но и из-за того, что их покрыла патина времени.

Это было похоже на что угодно, но только не на жилище утонченной развратницы.

Дополнял интерьер обещанный «кроткий друг» – он сидел на низком стуле у камина, чуть боком, наклонившись к огню, и читал какую-то крохотную, ветхую, но пухлую книжку.

– Вы уже здесь! – увидев женщин, он улыбнулся приветливо, но диковато. Делия поняла, что именно его видела в ложе итальянки на днях. – С прибытием.

– Это мой добрый друг сеньор Родриго, – представила Кьяра. – А это очаровательное создание – мадемуазель Делия Дево.

Прижав книгу к груди, Родриго подошел. Делия протянула ему свою руку, и он ее просто пожал – словно потянул за кончики пальцев, – но целовать не стал. Делия бы непременно обиделась на такое, но оказалась в эту секунду слишком ошеломлена ледяным прикосновением «кроткого друга».

– Мадемуазель, вы можете подняться в вашу комнату, – сообщила Кьяра. – Робер вас проводит. Отдохните с дороги. Ужин подадут через полчаса.

Делия поднялась наверх, следом за Робером, удивительно похожим на бандита или беглого каторжника – огромным, словно бык, поседевшим прежде времени и с уродливым шрамом во все лицо.

Она ощутила огромное облегчение, когда он ушел, оставив ее вещи.

Комнатка оказалась небольшой, уютной, с отдельными уборной и ванной. Окно выходило на пологий склон, поросший редким лесом, спускающийся к полноводному, блестящему в лунном свете ручью. Делия поставила свечу на столик и открыла окно. «Было бы хорошо, – подумала она, – если бы мне позволили хотя бы одну ночь просто поспать в этой комнате. Может, хозяйка сама утомилась в дороге. Было бы прекрасно...»

Слегка освежившись в ванной и переодевшись, Делия спустилась вниз.

От запаха, струящегося из кухни, где-то под корсетом жадно и болезненно затрепетал желудок.

В холле сидел лишь Родриго – на сундуке у распахнутого окна, жадно глотая свежий воздух.

– Скоро ли спустится сеньора? – спросила Делия, присаживаясь в одно из деревянных кресел. О чем еще можно завести с ним разговор, она не представляла, а сидеть в молчании было неловко.

Однако безобидный вопрос вызвал совершенно неожиданную реакцию.

– Да, пожалуй, стоит ее поторопить!

И, вновь любезно и нервно улыбнувшись, он вскочил с места и почти выбежал вон.

«Вероятно, мое деколье его смущает, – предположила Делия. – Или он в силу богобоязненного воспитания просто считает неприличным оставаться со мной наедине».

Минуту-другую спустя, Родриго появился вновь, уже вместе с Кьярой. На ней было простое, домашнее, но опять же старомодное платье с завышенной талией.

Тут же явился Робер и сообщил, что ужин подан.

Столовая была обставлена в том же духе, что и холл, а в центре ее царил массивный стол из черного дерева.

Кьяра и Родриго сели с обоих концов стола, Делия – по правую руку от хозяйки.

На ужин подали куриные крылышки, зажаренные с пряными травами, баклажаны с томатами, луком и чесноком, душистый сыр с голубой плесенью, еще теплый хлеб и легкое розовое вино.

Делия, чувствуя небывалый голод, принялась с почти неприличным аппетитом грызть ароматное крылышко с хрустящей кожицей. Все на столе было свежее и аппетитное, все хотелось как следует распробовать.

Удивительным казалось то, что Кьяра ограничилась хлебом и овощами, а Родриго одним только хлебом и водой. Так что изрядная часть крылышек и сыра осталась для слуг.

После плотного ужина Делию начало клонить в сон. Некоторое время она еще посидела в гостинной, пытаясь вникнуть с разговор хозяйки с ее гостем. Вначале Родриго пытался

поучать хозяйку, рассказывая о вреде бунтов, на примере Люцифера, а также о том, как горько разочарование у тех, кто их поддерживает. Делия подумала было, не идет ли речь о недавних революциях, пронесшихся фейерверком по Европе. Она хотела даже спросить, как обстояли дела в Италии, но от лени не смогла вовремя придумать нужную фразу и вовсе упустила нить.

Чем дальше, тем больше Кьяра и Родриго переходили на итальянский, испанский и латынь, и Делия, наконец, спросив позволения, поднялась к себе. Переодевшись ко сну, она легла и хотела подумать над тем, что делать и что говорить, если хозяйка пожелает заглянуть ей ночью. Но подумать не получилось – она уснула мертвым сном.

Проснувшись Делия на рассвете. Едва-едва светало, мрак за окном превратился в серозисые сумерки, а воздух в комнате посвежел. С улицы донесся топот конских копыт – очень быстрый, словно это спешил гонец от самого короля. Или кто-то бежал от смертельной опасности. Впрочем, хозяйка и ее окружение были настолько странными, что Делия решила не тревожить себя лишними мыслями и натянула одеяло на озябшее плечо. Лежать так, разленившись, разнежившись, было приятно, но спать уже не хотелось.

Вскоре раздались шаги в коридоре, и дверь в комнату осторожно приоткрыли.

Делия резко села в кровати, чувствуя, что сердце похолодело, ухнуло вниз и забилось куда-то под печень.

Вошла сеньора Безаччо. Она была одета для верховой езды – в мужском костюме, в брюках.

– Доброе утро, – улыбнулась она, убирая с лица выпавшие из прически пряди. – Простите, что потревожила, мадемуазель. Но я услышала, что вы не спите. А я хочу с вами пошептаться.

Она задернула шторы поплотней и присела на край кровати.

– Конечно, сеньора, с радостью. Вы любите верховые прогулки?

– Обожаю. Но – к делу. Не далее как вчера вечером вы сказали, что вы – человек широких взглядов и вам чужда ханжеская мораль.

– О да, сеньора!

– А еще вам интересен мой секрет молодости. Ну-ну, не отрицайте! Скажу вам больше – вы правы. Некий секрет действительно существует, и мне не тридцать и даже не сорок. И я готова об этом секрете вам – и только вам! – рассказать. Однако у всего есть цена.

– И какова цена вашего секрета, сеньора?

– Коль скоро вам чужда ханжеская мораль, постарайтесь соблазнить моего друга Родриго.

– Что? – пробормотала Делия после некоторой паузы.

– Просто попытайтесь. Да, верно, я выразилась чересчур резко. Я ни в коем случае не требую от вас становиться его любовницей! Пусть он всего лишь немного пошатнется, сделает шаг вам навстречу. Поверьте, это уже будет титанический труд.

Делия несколько растерялась. Первой ее эмоцией было несказанное облегчение, второй – невыразимое возмущение.

– А если я не соглашусь?

– Увы, тогда не будет и секрета. Впрочем, можете в любом случае без стеснения пользоваться моим гостеприимством. Ваше присутствие уже приносит искорку жизни в этот дом. – Кьяра усмехнулась. – Бедняга держит себя на таком строгом посту. Я надеялась, что общение с вами поможет ему хоть как-то разнообразить духовный рацион. У вас есть время подумать – мы с Родриго проговорили всю ночь, и раньше вечера он не проснется. Вероятно, и я тоже. Прогулка немного утомила меня. До вечера, мадемуазель.

9

Анри де Венсен был раздосадован и недоволен: мадемуазель Дево исчезла. Написав ему какое-то бестолковое письмо, она укатила из Парижа в карете итальянки, которую она, по ее же словам, терпеть не могла.

Побывав и в театре и ничего там не выяснив, он вернулся к обеду домой, где обнаружил пространное письмо от «старины Мишеля»...

Дорогой друг, считаю своим священным долгом предупредить тебя и уберечь от крайне опасного знакомства и не менее скверной связи!

Как ты знаешь, мои владения под Парижем находятся недалеко от усадьбы, что сняла таинственная мадам Безаччо. И я решил взглянуть на нее поближе.

По рассказам, бродящим в свете, я решил, что она – поклонница сапфической любви, а я, признаюсь, питаю к ним слабость.

Так вот, после обеда я отправился на верховую прогулку вдоль ручья, проходящего через мои и ее земли. Я думал невзначай нарушить границу ее владений, а потом уже, руководствуясь случаем, искать с ней знакомства.

Вскоре я действительно ее встретил. Она сидела на берегу ручья на каменной скамье, будто бы оставшейся со времен римского владычества. Была она не одна, а с человеком, своей одеждой и манерой держаться напоминавшим священника.

Поравнявшись с ними, я коснулся поля шляпы и склонил голову. С сожалением подумал я, что знакомство придется отложить.

Хозяйка кивнула мне в ответ, а ее собеседник нервно сжал бирюзовые четки и поднял на меня взгляд. И тут я узнал его! Друг мой, я уже встречал это чудовище в публичном доме в Риме!

Прошу тебя воздержаться от смеха по этому поводу. Ты знаешь, я не моралист, но то, что я увидел той давней ночью, поразило и ужаснуло меня!

Случилось это два года назад.

Уже после полуночи я с приятелем покинул сие приветливое заведение, в котором до того был завсегдатаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.